

Линь Госюн провёл в старом особняке ровно семь дней. Первые пять дней, из-за прямого приказа старика, его дети не осмеливались толпой наведываться к нему. Даже когда они звонили, разговоры чаще всего обрывались на нетерпеливой ноте.

Но по мере приближения «благоприятного дня», который Линь Госюн сам для себя рассчитал, его старший сын, Линь Тяньюань, начал терять самообладание.

Никаких движений не наблюдалось, и он не знал, готовить ли ему похоронную команду, о которой говорил отец перед уходом, или нет. Не мог же он ворваться в старый особняк и прямо спросить отца: «Так ты умирать собираешься или как?»

Дело было не в том, что он с нетерпением ждал смерти своего отца, а в том, что в таком деле должна быть хоть какая-то определённая ясность. Когда он впервые узнал о решении отца, ему, как и другим детям, было тяжело на душе.

Но Линь Госюн был упрям всю свою жизнь, и в вопросах жизни и смерти младшее поколение не имело права голоса. Если бы они попытались его переубедить, то, скорее всего, нарвались бы на взбучку.

Уговоры не действовали, и в конце концов им пришлось смириться.

Линь Тяньюань утешал себя: для таких, как они, смерть иногда — не худший исход. Старик просто устал от жизни и решил уйти первым. От рождения до смерти — путь, который предстоит пройти каждому.

Сидя в своём кабинете, Линь Тяньюань, унаследовавший суровый нрав отца, колебался. Спустя несколько минут он достал телефон и набрал номер старого особняка семьи Линь.

Мобильный телефон Линь Госюна был выключен, так как ему надоело отвечать на бесконечные звонки.

Линь Тяньюань думал, что на звонок ответит либо его второй дядя, либо тётя. Каково же было его удивление, когда из трубки донёсся нежный детский голосок:

— Вы кому?

Линь Тяньюань замер, инстинктивно прокашлялся и смягчил тон:

— Мне нужен Линь Госюн. А ты кто, малыш?

— Я Фэйфэй, — ответил ребёнок, стоя на цыпочках и держа трубку. Затем он повернулся и крикнул в сторону двери: — Старший дедушка, тебя какой-то дядя спрашивает!

Линь Госюн, поливавший в это время газон из шланга, услышал зов Фэйфэя и тут же громко откликнулся:

— Фэйфэй, подожди минутку, старший дедушка сейчас подойдёт.

С этими словами он выключил воду, бросил шланг на траву и широкими шагами направился в гостиную.

Даже через телефонную линию Линь Тяньюань слышал, как его обычно немногословный отец говорит тем самым знакомым голосом, но с такой добротой и нежностью, каких он никогда прежде не слышал.

Если использовать не совсем уместное сравнение, то его добродушие было настолько нехарактерным, что возникло подозрение, будто отца подменили.

Однако, как только Линь Госюн с улыбкой взял трубку у Фэйфэя, Линь Тяньюань понял: нет, не подменили.

— Папа, это я, — сказал Линь Тяньюань.

Линь Госюн кивнул:

— Хорошо, я понял. Что-то случилось?

Линь Тяньюань замялся.

— Папа, ты помнишь, что через три дня будет тот самый благоприятный день, который ты выбрал? — осторожно спросил он.

Линь Госюн нахмурился:

— Какие ещё благоприятные дни? Если я, Линь Госюн, что-то решаю, мне что, ещё и в календарь заглядывать?

Линь Тяньюань всё понял. Смысл был ясен: «Я передумал, и все эти благоприятные дни для меня теперь не значат ровным счётом ничего».

— И ещё, — продолжил Линь Госюн, — раз уж ты позвонил, продай тот участок земли, что я

купил. Пусть твои люди сами назначат цену.

— Папа, ты про тот самый... тот самый участок с идеальным фэншуйем? — на этот раз Линь Тяньюань не просто вздохнул с облегчением, а забеспокоился, не случилось ли чего с отцом у второго дяди.

— Да, именно про него. Продай его поскорее, — за последние дни третий брат, словно почуяв, что он передумал, постоянно подкалывал его насчёт этого участка.

От этих подколов Линь Госюн устал и решил просто продать землю.

Повесив трубку, Линь Госюн почувствовал явное облегчение. Посмотрим, как теперь третий брат будет его подкалывать.

И действительно, вечером, когда Линь Гохун снова завёл разговор на эту тему, напоминая, что время близится, Линь Госюн отрезал:

— Продал.

Это редкий случай, когда Линь Гохун не нашёлся, что ответить.

Пока Линь Госюн сам накладывал себе еду, Линь Гохун с улыбкой покачал головой:

— Продал, значит? Что ж, и хорошо, что продал.

Линь Гошэн, наблюдавший за этой сценой, в которой два старика вели свою игру, тоже незаметно улыбнулся.

Третий брат каждый день подначивал старшего насчёт этого участка, и вот, наконец, добился своего — заставил его продать землю.

Но теперь, когда участок был продан, возникал другой вопрос: у Линь Госюн и Линь Гохуна были свои дома, но, судя по всему, они оба намеревались надолго обосноваться в старом особняке.

В этом вопросе Линь Госюн и Линь Гохун проявили редкое единодушие и напрочь отказывались обсуждать свой отъезд. Более того, за ужином они принялись вместе с Линь Гошэном предаваться воспоминаниям о юности.

Старший брат упомянул, что дерево у ворот он сажал вместе с ним, и вот, прошли десятилетия, они состарились, а дерево стало только крепче.

Третий брат подхватил, что пруд за главным зданием, огороженный перилами, был выкопан по его просьбе ещё при жизни их отца, и за этот пруд он получил от старика как минимум три хороших взбучки.

Переглянувшись, они принялись в один голос хвалить Линь Гошэна за то, как он сохранил их комнаты в первоизданном виде. Вернувшись, они спали в них так крепко, как никогда, просыпаясь только к утру.

Линь Госюн выпил немного вина и, приняв вид человека, готового к душевной беседе, похлопал Линь Гошэна по левому плечу своей широкой ладонью.

— Гошэн, иногда я тебе по-настоящему завидую. В детстве отец любил тебя больше всех, это само собой. А теперь, на старости лет, Юйин всё ещё рядом с тобой. Смотрю я на тебя: жена, дети, внуки — полный дом. Я, твой старший брат, искренне за тебя рад.

«Старый интриган», — подумал Линь Гошэн. Слова Линь Госюн следовало понимать с точностью до наоборот. «Что значит "жена, дети, внуки"? У тебя разве их нет? Ты не ценишь свою семью, а приходишь завидовать моей, кто в этом виноват? И сколько лет прошло, а ты всё вспоминаешь, как отец с нами обходился».

«Если я сейчас не соглашусь, ты ведь начнёшь причитать, как отец разделил наследство, как вы вдвоём ушли ни с чем, сколько горечи и страданий вы хлебнули, не так ли?» — мысленно продолжил Линь Гошэн.

И как в воду глядел. Тут же заговорил Линь Гохун.

Он положил руку на правое плечо Линь Гошэна и произнёс:

— Эх, второй брат, ты же знаешь, я с детства был трусливым. В тот год, когда мы расстались, я один сел на корабль и отправился в Юго-Восточную Азию. Кроме денег на билет, у меня в кармане оставалось всего пятьдесят юаней, которые я перед уходом у тебя из кармана вытащил. Ты не представляешь, какой там был хаос. Повсюду стрельба. Я ведь не старший брат, чтобы обладать такой безрассудной смелостью. Первое время я каждую ночь спал вполуха, боясь, что если засну слишком крепко, то на следующий день уже не проснусь. Долгие годы после этого, наверное, как последствие тех времён, я почти не спал спокойно всю ночь напролёт. Второй брат, скажи, зачем я полез в такое пекло? Старший брат без гроша в кармане отправился в страну М, даже языка их не знал, был совершенно беспомощен. Скажи, зачем мы всё это делали?!

Линь Гохун залпом осушил стакан вина и, притворяясь пьяным, продолжил, и его глаза покраснели.

— Мы... мы ведь всё это делали из-за последних слов отца. Он сказал, что старший брат слишком прямой и негибкий, и это его погубит. Позже, когда старший брат был в стране

М, без гроша в кармане, он остался верен себе. Сломали ли его там? Нет. Если бы сломали, он бы не вернулся живым! А я? Он сказал, что у старшего брата твёрдый характер, а у меня — мягкий. Мы, братья, вместе прошли через самые трудные времена. Ты просил меня остаться и помочь тебе, но я не согласился и с головой ушёл в криминальный мир Юго-Восточной Азии, чтобы заработать. Сколько раз мне приставляли пистолет к голове, угрожая содрать с меня кожу заживо! Мне ногу ломали! Первые двадцать лет мы со старшим братом жили на одном упрямстве. Следующие двадцать лет — его жена умерла от рака. А я так и не женился по настоящему. Второй брат, мы со старшим братом прожили горькую жизнь...

Линь Гошэн слегка сжал руку Линь Гохуна:

— Третий брат, ты немного перебрал. Успокойся.

Этот был не просто интриган, а игрок высшей лиги. Сначала, подвыпив, выплеснуть всю горечь, а потом, когда вся боль высказана, озвучить свою просьбу. И если просьба не будет слишком наглой, какой брат сможет отказать?

— Третий дедушка... — Фэйфэй посмотрел на Линь Гохуна, чьи глаза покраснели и от которого исходила волна печали и уныния. Малыш был в замешательстве.

Линь Гохун, ещё до того как начать свою тираду, предусмотрительно жестом попросил Линь Сыняня закрыть уши малышу.

В семье Линь уже сложилась негласная традиция: как только начинались разговоры, не предназначенные для детских ушей, кто-нибудь из присутствующих тут же закрывал Фэйфэю уши.

Из-за этого малыш часто страдал от «временной глухоты».

«Третий дедушка выглядит таким грустным. Но почему мне кажется, что он не очень-то и грустит?»

Это сбивало Фэйфэя с толку, и он не знал, стоит ли ему утешать Линь Гохуна.

Линь Цзинли отложил ложку, отодвинул очки на переносице и, с невозмутимым видом протянув руку, легонько ткнул пальцем в пухлую щёчку малыша.

— Третий дедушка разговаривает с дедушкой, всё в порядке. Фэйфэй, кушай дальше.

Сказав это, он положил малышу в тарелку кусочек яблока в карамели, приготовленного сегодня Ян Юйин.

Фэйфэй «ам» и съел кусочек яблока, покрытого сахарной глазурью. Его нежно-белые щёчки надулись.

Поняв, что его выступление было слишком бурным и могло напугать малыша, Линь Гохун отказался от намерения пустить слезу для пушшего драматизма.

Он сразу перешёл к делу.

Линь Гошэн, видя его выражение лица, подумал: «Ну вот, началось».

— Не знаю, может, это возрастное, но стал я сентиментальным. Когда жил у себя, всё мне было не по душе, часто просыпался среди ночи и смотрел в потолок. Сначала не понимал, почему так. Но пожив несколько дней в старом доме из-за дела старшего брата, я понял: в глубине души я всегда считал этот дом своим настоящим домом. А когда человек дома, разве он может быть несчастным?

Линь Гошэн криво усмехнулся:

— Да уж, тут не поспоришь.

Линь Госюн, не такой красноречивый, как Линь Гохун, лишь добавлял после каждой его фразы:

— И я тоже.

Наконец, Линь Гохун посмотрел прямо на Линь Гошэна:

— Второй брат, я знаю, что моя просьба, возможно, покажется тебе чрезмерной, ведь этот дом отец перед смертью отписал тебе. Но сжался над нами со старшим братом, позволь нам пожить здесь ещё два-три года, а?

«Или можно и не жить, просто разреши мне забрать Фэйфэя к себе на пару-тройку лет. Я обещаю, что выращу его здоровым и белым, как булочка», — конечно, последнюю фразу Линь Гохун предусмотрительно оставил при себе. Если бы он её произнёс, то, скорее всего, в тот же вечер был бы выставлен Линь Гошэном за дверь.

«Два-три года, ещё два-три года... послушайте, это вообще нормально? Почему бы тогда не сказать, чтобы я приютил вас до самой смерти?»

Линь Гохун так бы и хотел, но всему своё время, нужно действовать постепенно.

В конце концов, Линь Гошэн сдался. Один — его родной старший брат, другой — родной

младший. Если они оба решат наплевать на приличия, что он сможет сделать?

Увидев кивок Линь Гошэна, Линь Госюн впервые бросил на Линь Гохуна одобрителный взгляд: «А ведь язык у третьего брата иногда бывает весьма полезен».

После ужина Линь Госюн и Линь Гохун принялись обзванивать всех, сообщая, что отныне они постоянно будут жить в старом особняке.

Повесив трубку, Линь Госюн услышал за спиной голос Линь Гошэна.

Тот вздохнул:

— Старший брат, третий брат, за все эти годы вам действительно пришлось нелегко.

Линь Гохун замер, а потом беззаботно рассмеялся:

— Это был наш собственный выбор, никто нас не заставлял.

Линь Госюн молча кивнул.

В те годы, полные юношеского максимализма, как они могли смириться с вердиктом, который вынес им отец?

«Слишком прямой и несгибаемый».

«Не годен для больших дел».

Впоследствии они доказали, что отец в конце концов ошибся.

— На самом деле, в завещании отца этот старый дом был поровну разделён между нами тремя. Вы могли жить здесь, когда захотите, я не имел права вам мешать, — Линь Гошэн не стал продолжать тяжёлый разговор и с лёгкой долей злорадства добавил: — Вы что, никогда не читали документы на собственность, которые я вам отправлял? И что же вы, старики, так упрямитесь? Разыграли тут целый спектакль перед младшими.

Сказав это, Линь Гошэн удалился, оставив за собой две застывшие фигуры.

«Неужели он думает, я не понимаю, зачем они так рвутся здесь остаться? Раньше что-то этот старый дом их не особо привлекал».

Фэйфэй, этот маленький проказник.

Линь Гошэн с улыбкой покачал головой. Очарование этого малыша в доме создавало и некоторые проблемы. Стоило задуматься о том, как обеспечить ему беззаботную школьную жизнь, когда он немного подрастёт.

Кстати, не будет ли он получать любовные письма пачками?

Ах да, послезавтра у малыша день рождения. За всей этой суматохой с Линь Госюн и Линь Гохуном он совсем забыл обсудить с Линь Цзинли и Линь Сынянем, как его отпраздновать.

Когда говорили, что малышу три года, это было скорее по восточному счёту. На самом деле ему было два года и триста с лишним дней.

Послезавтра, третьего ноября, ему исполнится ровно три года. Это его первый день рождения в семье Линь, и его нельзя провести кое-как.

Прикинув время, Линь Гошэн решил, что Линь Сынянь ещё не спит. Он позвал его из комнаты, и они вместе отправились в кабинет к Линь Цзинли.

Попутно позвали Ян Юйин, Линь Госюн и Линь Гохуна. А также Линь Ханя, который пришёл, прослышав о сборе. Вся семья Линь, за исключением сладко спящего в своей кроватке малыша, была в сборе.

Линь Госюн, услышав, что речь идёт о дне рождения Фэйфэя, тут же уселся и авторитетно заявил:

— Праздновать, и с размахом! Второй, если боишься потратиться, я заплачу.

Ян Юйин:

— Я поищу рецепты, нужно приготовить для Фэйфэя целый стол вкусностей.

Линь Гохун:

— Я найму людей, чтобы расширить его маленькую игровую площадку сзади. Я видел, как ему там нравится играть.

Линь Сынянь:

— Я думал о том, чтобы пока не раскрывать личность Фэйфэя, но и оставлять его в тени тоже

нельзя. На этот день рождения можно пригласить побольше людей, но предупредить, чтобы не распространялись.

Надо сказать, что те шесть иероглифов «внебрачный сын Линь Сыняня» в новостях всё-таки задели его за живое. Люди из их круга, или чуть ниже, в основном уже знали, что у Линь Сыняня появился сын. Устроить для малыша домашний день рождения, пригласив старых друзей семьи и деловых партнёров, — информация вряд ли просочится наружу.

Зато некоторые поймут, что Фэйфэй — не внебрачный, а обожаемый всей семьёй малыш.

Линь Цзинли:

— Времени мало, но если поторопиться, то успеем. Я вечером составлю список приглашённых.

Линь Хань встал, собираясь проверить, сколько у него осталось карманных денег и хватит ли их на подарок для Фэйфэя.

Линь Гошэн кивнул и подвёл итог:

— Значит, решено. Устроим праздник. Нужно побольше всего, что любят дети, чтобы сделать Фэйфэю сюрприз.

<http://bllate.org/book/13654/1588008>